

М. А. Балабанова

К ВОПРОСУ О ЗАПАДНЫХ СВЯЗЯХ САРМАТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ ¹

В статье обсуждается вопрос о возможных связях сарматского населения Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Нижнего Дона с синхронными группами Северного Причерноморья по данным физической антропологии. Для этого был проведен обзор письменных, археологических и краниологических публикаций, посвященных этому вопросу. Проверка существующих наиболее популярных моделей этногенетических связей была проведена с помощью поэтапных межгрупповых сопоставлений краниометрических данных. Массовый материал по сарматским культурам и культурам Северного Причерноморья обрабатывался каноническим методом с последующим рассмотрением расстояний близости Махаланобиса. В результате исследования была подтверждена гипотеза о незначительном влиянии раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского компонента на изменение внутригрупповой структуры северо-причерноморских популяций. Наибольшим морфологическим сходством с западными популяциями обладает позднесарматское население, так как все они являются носителями типа длинноголовых европеоидов, но такой важный признак как ширина глазницы обособляет западные популяции от восточных. Несмотря на это результаты исследования позволяют предположить внедрение компонента всех трех хронологических сарматских групп в среду оседлого населения Нижнего Дона и позднескифских групп.

Ключевые слова: черняховская культура, позднесарматская культура, тип длинноголовых европеоидов, тип широкоголовых европеоидов, морфологический тип, статистические методы.

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Палеоантропология древнего и средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект)», № 19-09-00471А.

Введение. При рассмотрении проблемы связей и взаимоотношений сарматов с синхронным населением западнее Дона следует обращаться не только к данным письменных и археологических источников, но к антропологическим материалам. Так как именно они могут свидетельствовать о фактах смешения или о перемещениях отдельных групп населения и включения их в состав субстратных групп. О значительных перемещениях сарматских племен на запад, а также намек на процессы ассимиляции сарматов с другими народами сообщают античные источники рубежа первых веков нашей эры. Несмотря на то, что эта информация зачастую носит компилятивный характер, она позволяет проследить перемещение сарматских племенных союзов с востока, Нижнее Поволжье, Предкавказские степи и Нижний Дон, с исконно сарматской территории, на запад за Дон, в Северное Причерноморье и на территорию римских провинций — в Паннонию и Мезию.

Все источники отмечают тот факт, что активная роль сарматских пленных группировок в этом регионе приходится на II—I вв. до н. э., когда отмечают массовый отход их на запад. В процессе переселения сарматские племена занимают обширную территорию от Дона до Дуная, вытесняя скифов. Об этом пишет Диадор Сицилийский (Историческая..., II, 43—46), источник I в. до н. э.: «*Эти последние, много лет спустя сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребив побежденных, превратили большую часть страны в пустыню*».

Начиная с этого времени сарматские племена и отдельные крупные союзы племен: аорсов, сираков, роксоланов, языгов и др. фигурируют у

Страбона, Плиния Старшего, Птолемея и др. в связи с теми или иными событиями. По их данным к началу новой эры западные границы Сарматии достигают Истра и Вислы. На этнической карте «Географии» П. в. н. э. Клавдия Птолемея Сарматия уже подразделяется на Европейскую и Азиатскую (Клавдий Птолемей: V, VIII). Страбон, а позднее и Аппиан в степях между Танаисом и Борисфеном расселяет роксолан (Страбон: VII: 16; Аппиан: Митридатовы войны: 69). Они соседствовали с другим сарматским народом языгами. У Плиния Старшего на территории Северного Причерноморья проживали и азиатские аорсы, которые, видимо, продвинулись сюда с более восточных территорий, так как Страбон на рубеже эр локализует их на территории Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (Плиний Старший: IV: 25, 80; Страбон V: 7, 8).

Таким образом, начиная с I в. н. э. по-видимому территория Европейской Сарматии становится районом, который активно осваивают различные сарматские и другие этнические и племенные группировки, которые вместе с ними продвигались на запад. Результатом этой экспансии были этнические и культурные ассимиляции и интеграции. Отголоски описанных процессов нашли отражение в работе Плиния Старшего: «...Имя скифов повсюду переходит в имена сарматов и германцев, так что древнее имя осталось только за теми племенами, которые занимают самые отдаленные страны...» (Плиний Старший: IV: 25, 81).

Для нашего исследования является интересной информация и об аланах, которые появляется на страницах источников в I в. н. э. Так Плиний Старший называет их вместе с роксоланами и помещает их к северу от Истра (Плиний Старший: IV: 80). Есть и более раннее упоминание аланов на этой территории у Аннея Сенеки, его племянника Лукана и у Валерия Флакка (Сенека: Вестник: 627—631; Лукан: X: 450—454; Валерий Флакк: VI: 33—167). Информация об аланах I в. н. э., как жителей Европы, также присутствует у Иосифа Флавия (VII: 7: 4) и Марциала (VII: 30: 6). Начиная с этого времени аланы фигурируют у многих авторов античности (Клавдия Птолемея: III, гл. 5, 7; Дионисий Периегет: 298—320 и др.). Аланы вместе с другими этническими компонентами упоминаются в связи с их участием в многочисленных военных конфликтах между варварскими народами Европы и в союзе с ними против римских легионов (см.: Юлий Капитолин: XXII: 1; Павел Орозий: VII: 37: 3 и др.). На это время приходится сведения о наеме аланских и сарматских воинов в римские легионы (см.: Евсевий Кесарийский, кн. IV, гл. 6 и др.). Локальная группа алан, населявшая прибрежные районы Меотиды и Танаиса, в письменных источниках фигурирует под названием аланов-танаитов (Иосиф Флавий: VII: 7: 4; Аммиан Марцеллин: XXXI, 3, 1). В первые

века нашей эры они заняли исконные территории таких сарматских этносов как аорсы и сираки. Эти племенные союзы, кочевавшие между Меотидой и Каспийским морем, впервые упоминает Страбон (XI: II: 1; V: 7, 8). По его данным территория, по которой кочевали сираки были предкавказские степи, а севернее их располагались кочевья аорсов. Кстати у Страбона упоминаются две аорские группировки: одна из них кочевала на Нижнем Дону, вторая, верхние аорсы, — в Северном Прикаспии. Как свидетельствует этот автор и сираки и аорсы, в свою очередь, в районы Подонья, Северного Кавказа также откуда-то переселились «...беглецами из среды выше живущих народов» (Страбон: V: 7, 8). Позднее в I в. информация об аорсах вместе с сираками есть у Тацита в пассаже о боспорско-римском военном конфликте, где на стороне римлян и брата Митридата Котиса выступали аорсы во главе с Эвноном, а в альянсе с боспорянами выступили сираки во главе с Зорсином (Тацит: XII, 15—20). Плиний Старший также знает аорсов и сираков (IV: 80, 82). В это время какая-то часть аорсов, видимо, из исконных территорий переместилась в Северное Причерноморье и была в зависимом положении, так как этот автор их называет неблагородными, рабского происхождения, скифами. У Помпония Мелы (I: 114) сираки как сирахи вместе с меотами и фатами населяли «побережье, идущее изгибом от Борисфена до Танаиса». Во II в. у Клавдия Птолемея аорсы упоминаются как соседи агафирсов и пагиристов, а сираки — яксаматов, пессиев и других народов (Клавдий Птолемей). После Клавдия Птолемея информация об аорсах и сираках в письменных источниках исчезает. Очевидно, к концу II в. н. э. аорсский и сиракский племенные союзы распались, а сами народы включились в аланский или другие союзы, что вполне приемлемо. Возможно именно этот факт вместе с другими отразился в тексте Аммиана Марцеллина (XXXI: 2: 13), так как аланы появившиеся в I в. н. э. на территории Восточно-европейских степей в первую очередь столкнулись с аорсами. Не исключается и тот факт что после исчезновения этнонима «аорсы» в источниках они могли скрываться под общим названием «сарматы». Отдельно следует отметить то, что почти все осведомители алан никогда не определяют их в качестве сарматского народа, не зависимо от того, что они часто перечисляют их рядом. К тому же у авторов античности появляется ряд собирательных этнонимов, которые могут объяснить эту ситуацию, например, «алано-сарматы», фигурирующие у Маркиана из Гераклеи Понтийской, и «аланорсы» — у Птолемея (Маркиан; Птолемей: VI: 14: 9).

Перемещения сарматов и включение отдельных группировок в состав оседлого населения фиксируют ученые, так как наряду с сарматскими культурами Северного Причерноморья

их компонент выделяется на археологических материалах оседлого населения. Причем сначала отмечают наличие раннесарматского компонента, а затем и позднесарматского.

Так, в связи с проблемой сарматизации Крыма выделяют пять его этапов. Первый этап начинается с конца II—I вв. до н. э. продвижением раннесарматских племен в Крым, вторая волна сарматов датируется третьей четвертью I в. до н. э. Третью волну связывают с выходом на политическую арену аланских племен, вторая половина I — начало II вв. н. э. Четвертый и пятый этапы связаны с проникновением в Крым позднесарматских племен: конец II — начало III вв. — четвертый этап; середина III — третья четверть IV вв. — пятый этап. Он ознаменовался тем, что «сармато-аланы» в составе готского племенного состава проникают в горный Крым и на южное побережье (Пуздровский 1994, с. 402; 1999а, с. 216; Власов 1999; Храпунов 2019, с. 317 и др.).

Отдельно рассматривались и вопросы сарматизации позднескифской культуры Крыма. А. Е. Пуздровский, рассматривая этносоциальную историю Крымской Скифии, дает развитие взглядов у ученых на проблему сарматизации поздних скифов и с небольшими поправками дает свою концепцию. Не останавливаясь на специфике каждого из этапов отметим, что первый этап этот исследователь датирует концом II—I в. до н. э. с возможностью продления его до начала I в. н. э.; второй этап — вторая половина I — начало II в. н. э. и третий этап — конец II — первая половина III в. н. э. (Пуздровский 1999b, с. 107, 108).

Кроме аналогий в комплексах Крыма еще в 1950-е гг. ученые стали выделять сарматские черты в погребальном обряде черняховской культуры (Федоров 1958, с. 242; Сымонович 1983, с. 119; Зубарь 1982, с. 118, 126; Высотская 2001, с. 172; Пуздровский 1994, с. 402; Магомедов 2001, с. 42; Онищук 2018, с. 123—125 и др.). По мнению Б.В.Магомедова сарматы были одним из ираноязычных компонентов среди населения черняховской культуры (Магомедов 1999). Наряду с ними он называет и алан: *«носителей обычая погребений в катакомбах и подбоях с северной ориентировкой умерших»*. В связи с этим автор особо выделяет причерноморскую группу черняховцев, которую считает смешанной, включающей культурные компоненты поздних скифов и алан, так как, по его мнению, последние еще во II в. уже занимали украинскую степь (Магомедов 2000, с. 323, 324, 326, 328)

Еще одним культурно-антропологическим признаком, относящимся к сарматскому, исследователи считают обычай искусственной деформации, следы которого фиксируют на некоторых черняховских черепаках. Как отмечает Г. Б. Федоров черепа с деформацией встречаются почти во всех могильниках черняховской

культуры, в некоторых они составляют около 40,0 %. Причем тип деформации тоже определяется как сарматский (Федоров 1958, с. 242, 243).

Вслед за археологами антропологи также обнаруживают сарматский компонент как у населения Крыма, так и на материалах черняховской культуры. Он был определен Т. А. Рудич в сериях из могильников Левобережной Украины и Среднего Днепра, а еще раньше С.В. Великанова его выделила в материалах могильников Молдовы (Рудич 2000, с. 287; 2004, с. 213; 2005, с. 72; 2006, с. 82; 2014; Великанова 1975, с. 78—86 и др.).

Оба эти автора сарматский этнический компонент у населения черняховской культуры определяли на черепаках, которые сочетали брахицефалию, широкое умеренно профилированное лицо на уровне назомаллярных точек. Так как это сочетание является морфологической доминантой раннесарматского населения Нижнего Поволжья и Нижнего Дона, то и компонент был раннесарматским (Рудич 2004, с. 215; 2006, с. 82). Он не значительный и присутствует в женской серии из могил с заплечиками, а при межгрупповых сопоставлениях черняховские и сарматские серии разных территорий и хронологических срезов максимально удалены друг от друга (Рудич 2006, с. 78).

Следует отметить, что раннесарматский тип в черняховскую эпоху практически исчезает на исконной сарматской территории, а преобладающим типом становится тип длинноголовых европеоидов, который морфологически сходен с типом черняховских популяций. Поэтому при рассмотрении внутригрупповой изменчивости черняховских серий необходимо выделять не только раннесарматский тип, но и позднесарматский. Что касается его, то в своих работах Т. А. Рудич высказывает мнение о том, что позднесарматское население Нижнего Поволжья *«скорее находит аналогии в скифской среде»*, нежели в черняховской (Рудич 2014, с. 64).

Таким образом, перемещения сарматских групп в западном направлении известны по данным письменных источников подтверждаются на археологических и частично на антропологических материалах. Для того, чтобы проверить данную концепцию была проведена серия поэтапного сравнения сарматских серий с синхронными западными группами населения Нижнего Дона, Кубани и Северного Причерноморья.

Материал и методика исследования. Источником данного исследования послужили прежде всего краниологические серии раннесарматского, среднесарматского и позднесарматского времени изученные автором данной публикации, а также данные по опубликованным сериям относительно синхронных групп населения Нижнего Дона и Северного Причерноморья. Последние использовались

для поэтапного сравнения с сериями раннесарматского, затем среднесарматского и наконец позднесарматского времени. Позднесарматский материал включал только группы с не деформированными черепами. На первом этапе сравнивались 57 мужских (из них 25 раннесарматского времени) и 48 женских серий (из них 20 раннесарматского времени). На втором этапе сравнивались 52 мужские (из них 20 среднесарматского времени) и 44 женские серии (из них 16 среднесарматского времени). И, наконец, на третьем этапе сравнивались 49 мужских (из них 17 позднесарматского времени) и 34 женских серий (из них 6 позднесарматского времени). Из западных синхронных культур в межгрупповой анализ были включены территориальные серии черняховской и позднескифской культур, а также серии по кубанским и нижнедонским городищам, по населению Крыма. Для решения исследовательских задач все относительно синхронные серии были включены в межгрупповой анализ каноническим методом (табл. 1, 2). Программа исследования включала 14 краниологических признаков (1, 8, 17, 9, 45, 48, 54, 55, 51, 52, 77, <zm', SS: SC, 75-1). На основе результатов анализа с использованием значений нагрузок по каноническим векторам, а также расстояний близости по Махаланобису строились графики, на которых отражаются межгрупповые зависимости (Дерябин 1983; 1998).

Таблица 1. Результаты канонического анализа мужских сарматских групп с группами Восточной Европы

№ по Мартину и др.	Раннесарматское время		Среднесарматское время		Позднесарматское время	
	Канонические вектора					
	I	II	I	II	I	II
1	-0,333	-0,089	-0,292	0,080	-0,225	-0,055
8	0,583	0,234	0,570	0,004	0,211	0,178
17	-0,591	0,429	-0,482	0,401	-0,550	0,273
9	-0,089	-0,426	-0,042	-0,170	-0,003	-0,310
45	0,359	-0,394	0,210	-0,514	0,425	-0,371
48	0,136	-0,960	0,030	-0,715	0,217	-0,917
55	-0,216	0,744	-0,116	0,589	-0,248	0,731
54	-0,034	-0,138	-0,030	-0,236	0,026	-0,205
51	0,405	0,629	0,524	0,605	0,488	0,645
52	-0,116	0,112	-0,136	0,064	-0,262	0,117
77	0,152	0,196	0,249	0,318	0,278	0,296
<zm'	0,116	0,205	0,215	0,181	0,205	0,161
SS : SC	0,361	-0,106	0,269	0,037	0,519	-0,108
75-1	-0,194	-0,414	-0,053	-0,589	-0,155	-0,474
Собственные числа	24,090	6,257	12,027	7,555	7,807	6,549
% дисперсии	50,107	13,015	31,090	19,528	23,491	19,706

Анализ и результаты исследования. Как выше было сказано весь материал анализировался поэтапно. В результате изучения межгрупповых зависимостей раннесарматских и восточноевропейских групп каноническим методом было извлечено 10 канонических векторов с собственными числами больше единицы (табл. 1). Около половины изменчивости (более 50,1 %) при анализе мужских групп приходится на первый канонический вектор (далее КВ), а наиболее значимыми по данной дискриминанте являются различия по двум тотальным размерам, по ширине и высоте черепного свода. Таким образом, I КВ делит всю совокупность мужских групп на два типа:

- 1) широкоголовых европеоидов с низким сводом;
- 2) длинноголовых европеоидов с высоким сводом.

Как известно первый вариант является морфологической доминантой раннесарматских серий, а второй в большей степени присутствует на материалах черняховской и позднескифской культур. При ранжировании значений по I КВ крайнее положение с одной стороны занимает приуральская раннесарматская группа из могильника Мечет Сай, у которой поперечный диаметр 152 мм, а высотный — 124 мм, а с другой стороны группа черняховской культуры из могильника Деревяна с параметрами соответственно 138 мм и 142 мм.

Таблица 2. Результаты канонического анализа женских сарматских групп с группами Восточной Европы

№ по Мартину и др.	Раннесарматское время		Среднесарматское время		Позднесарматское время	
	Канонические вектора					
	I	II	I	II	I	II
1	-0,518	0,073	-0,500	-0,189	-0,244	-0,220
8	0,693	0,134	0,681	0,197	0,155	0,032
17	-0,264	0,724	-0,465	0,538	-0,634	0,041
9	-0,243	0,133	-0,272	-0,155	-0,217	-0,345
45	0,181	-0,372	0,312	-0,417	0,304	-0,114
48	0,201	-0,716	0,422	-0,579	0,947	-0,271
55	-0,135	0,332	-0,119	0,604	-0,504	0,526
54	0,057	-0,090	0,081	0,127	0,401	0,234
51	0,568	0,443	0,324	0,704	-0,163	0,420
52	-0,013	-0,134	-0,030	-0,089	0,253	0,091
77	0,067	0,475	-0,056	0,419	-0,138	0,292
<zm'	0,243	-0,172	0,287	0,025	0,239	0,165
SS : SC	0,223	-0,213	0,131	-0,251	0,125	0,025
75-1	-0,080	-0,014	0,070	-0,158	0,067	-0,675
Собственные числа	14,256	5,469	12,014	6,245	7,031	5,609
% дисперсии	38,656	14,830	32,771	17,034	24,310	19,392

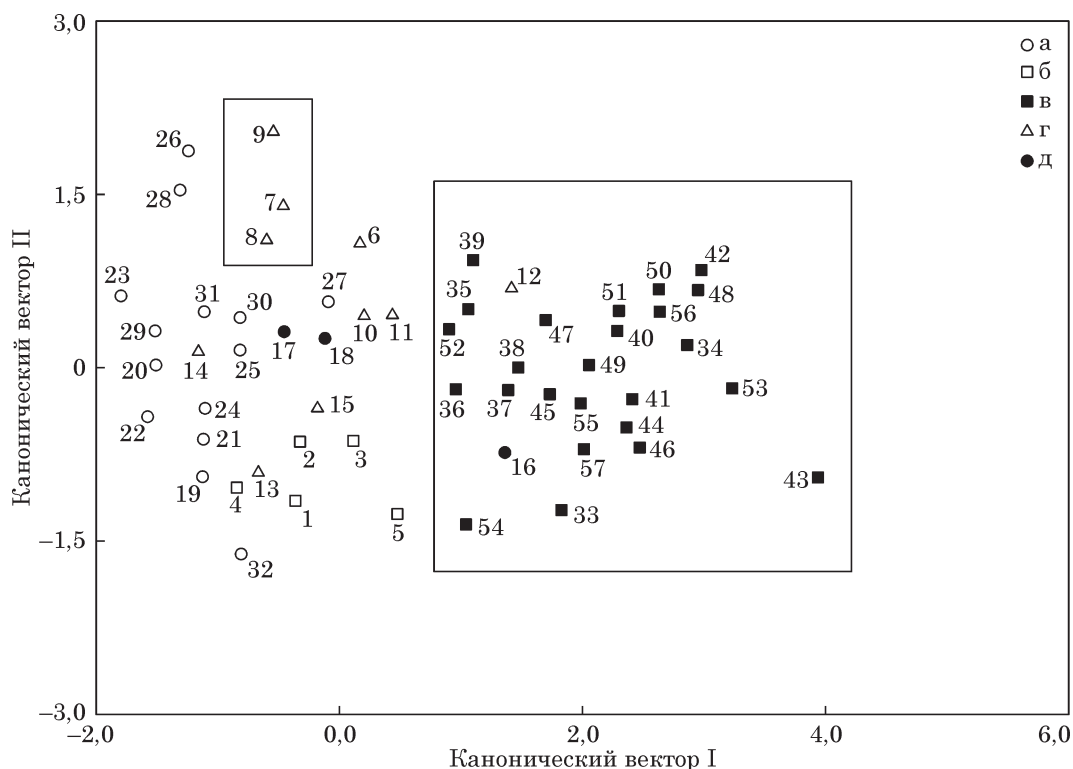

Рис. 1. Результат межгруппового анализа мужских серий раннесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *скифские серии*: 1 — Николаевка-Казацкое; 2 — Золотая Балка; 3 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 4 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 5 — Кут; *некрополи нижнедонских городищ и Кубани*: 6 — Танаис (III в. до н. э. — рубеж эр); 7 — Танаис (суммарно; I—III вв.); 8 — Танаис (I—II вв.); 9 — Танаис (II—III вв.); 10 — Елизаветинское городище; 11 — Кобяковское городище (суммарно; I—III вв.); 12 — Кобяковское городище (I—II вв.); 13 — Кобяковское городище (II—III вв.); 14 — Старокорсунское городище 2; 15 — Нижнегниловское городище (I—III вв.); *могильники Крыма*: 16 — Тавры; 17 — Херсон 1; 18 — Херсон 2; *серии черняховской культуры*: 19 — Журавка; 20 — Черняхов; 21 — Черкассы; 22 — Средний Днепр; 23 — Деревяна; 24 — Гавриловка; 25 — Будешты; 26 — Малаешты; 27 — Ромашки; 28 — Западная Украина; 29 — Центральная Украина; 30 — Левобережье Украины; 31 — Буджакская степь; 32 — Южнобуго-Тилигульское междуречье; *серии раннесарматского времени*: 33 — Нижнедонская; 34 — Быково; 35 — Калиновка; 36 — Бережновка; 37 — Верхний Балыклей; 38 — Старица; 39 — Батаевка; 40 — Степной IV; 41 — Кияковка; 42 — Старые Кишшки; 43 — Мечет Сай; 44 — Новый Кумак; 45 — Первомайский; 46 — Калмыково; 47 — Кара Оба; 48 — Эльтон; 49 — Кривая Лука; 50 — Верхнепогромное; 51 — Политотдельское; 52 — Перегрузное I; 53 — Колобовка; 54 — Маляевка; 55 — Аксай; 56 — Прохоровка; 57. — Лебедевка. **Условные обозначения:** а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии раннесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма

При анализе женских серий распределение изменчивости по I КВ также выпадает на поперечный диаметр, но еще и на продольный диаметр и ширину глазницы (табл. 2). Вклад его в межгрупповую изменчивость тоже очень большой, 38,7%. Согласно этим данным на положительном полюсе будут группы, сочетающие короткую и широкую мозговую коробку с широкой глазницей, а на отрицательном — с узкой и длинной мозговой коробкой в сочетании с узкой глазницей. В данном случае как и при распределении изменчивости по I КВ мужских групп первый вариант встречается в раннесарматских группах и в наибольшей степени представлен в сериях из могильников Заволжья (Богодушанский Ерик и Бережновка II), а второй в сериях черняховской культуры (Малаешты, Гавриловка) и в скифских группах (Неаполь Скифский восточный могильник) и др.

Вклад второй канонической переменной в межгрупповую изменчивость при анализе мужских групп всего лишь 13,0%, что намного меньше, чем первой. Распределение изменчивости по этому вектору приходится на лицевые признаки, выделяя группы у которых низкое лицо сочетается с высоким носом и широкими глазницами и группы с высоким лицом низким носом и узкой глазницей. Ранжирование значений групп по II КВ уже не демонстрирует резкое разграничение по культурной принадлежности. В наибольшей степени первый вариант присутствует в группе из Танаиса II—III вв. н. э., а второй — в черняховской серии из могильников Юга Буго-Тилигульского междуречья.

Что касается женских серий, то вклад II КВ 14,8% и высокая положительная корреляция у нее с высотой свода, а отрицательная с высотой лица. Получается, что высокосводчатые серии

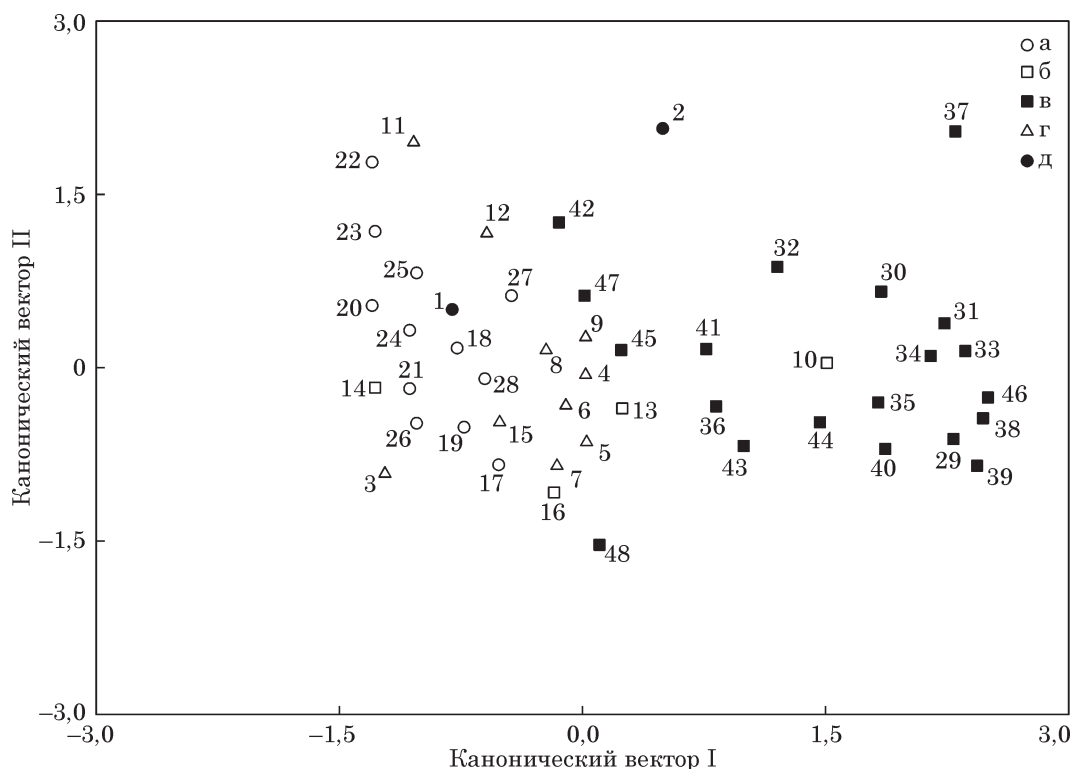

Рис. 2. Результат межгруппового анализа женских серий раннесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *могильники Крыма*: 1 — Заветное; 2 — Скалистое (ранние погребения); *некрополи нижнедонских городищ*: 3 — Танаис ранний (III в. до н. э. — рубеж эр); 4 — Танаис (I—III вв.); 5 — Танаис (II—III вв.); 6 — Кобяковское городище (Сум.) 7 — Кобяковское городище (I—II вв.); 8 — Кобяковское городище (II—III вв.); 9 — Нижнегниловское городище сумм. (I—III вв.); 10 — Нижнегниловское городище (I—II вв.); 11 — Нижнегниловское городище (суммарно; II—III вв.); 12 — Азов; *скифские серии*: 13 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 14 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 15 — Золотая Балка; 16 — Николаевка-Казацкое; *серии черняховской культуры*: 17 — Журавка; 18 — Черняхов; 19 — Средний Днепр; 20 — Гавриловка; 21 — Северное Причерноморье; 22 — Малаешты; 23 — Будешты; 24 — Левобережная Украина; 25 — Буджак; 26 — Буго-Тигульское междуречье; 27 — Западная Украина; 28 — Центральная Украина; *серии раннесарматского времени*: 29 — Богодушанский Ерик; 30 — Первомайский; 31 — Старица; 32 — Калиновка; 33 — Бережновка II; 34 — Быково; 35 — Кривая Лука; 36 — Верхний Балыклей; 37 — Степной IV; 38 — Старые Киишки; 39 — Мечет Сай; 40 — Калмыково; 41 — Нижнедонская; 42 — Верхнепогромное; 43 — Красный Октябрь; 44 — Царев; 45 — Перегрузное I; 46 — Солодовка; 47 — Авилковский II; 48 — Ковалевка. **Условные обозначения:** а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии раннесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма

с низким лицом, а низкосободчатые с высоким лицом. Оба варианта не имеют культурной приуроченности и встречаются как в раннесарматских сериях, так и в сериях черняховской культуры и культур оседлого населения Нижнего Дона, Крыма.

Итак результаты межгруппового сопоставления восточно-европейских и раннесарматских разнополюх групп свидетельствует о разительном их отличии. Об этом же свидетельствуют результаты кластерного анализа расстояний близости по Махаланобису и четырехполюхный график положения групп в плоскостях I и II КВ (рис. 1, 2). На обоих рисунках хорошо заметны два скопления с обособлением раннесарматских серии от серий черняховской, позднескифской культур и серий из городищ Нижнего Дона и Кубани (рис. 1, 2).

Тем не менее, если говорить все-таки о наличии раннесарматского компонента у скифского

и черняховского населения, то он не исключается. Об этом свидетельствуют расстояния близости по Махаланобису. Так, раннесарматские серии из могильников Бережновка II, Верхний Балыклей, Батаевка, Степной IV, Первомайский, Калмыково, Авилковский II и др. первую очередь обладают определенным сходством со скифскими сериями из Неаполя Скифского (мавзолей и склепы), Кута и серией опубликованной как тавры.

Видимо оседание раннесарматского населения на нижнедонских городищах отражается в близости их с сериями из ранних погребений Кобяковского городища (I—II вв.).

Связь раннесарматского населения с населением черняховской культуры более призрачная. Была обнаружена лишь одна группа из могильника Ромашки, обладающая сходством с раннесарматскими сериями, но так как она малочисленная (три черепа), то нет смысла

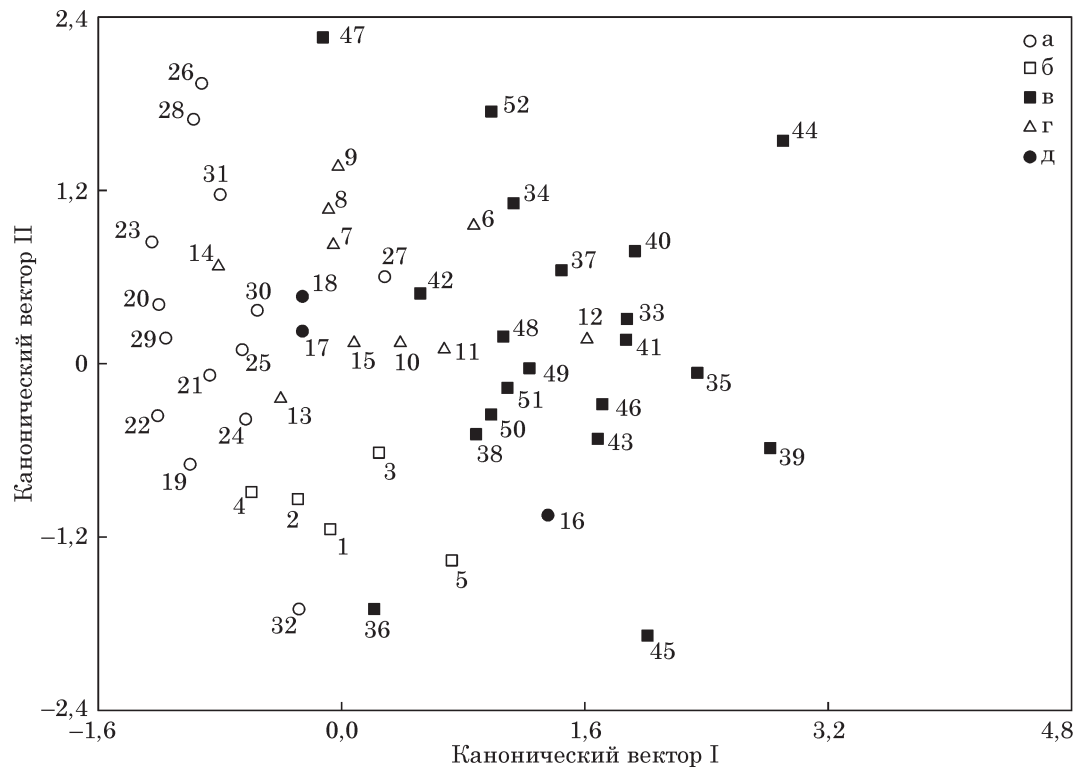

Рис. 3. Результат межгруппового анализа мужских серий среднесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *скифские серии*: 1 — Николаевка-Казацкое; 2 — Золотая Балка; 3 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 4 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 5 — Кут; *некрополи нижнедонских городищ и Кубани*: 6 — Танаис (III в. до н. э. — рубеж эр); 7 — Танаис (суммарно; I—III вв.); 8 — Танаис (I—II вв.); 9 — Танаис (II—III вв.); 10 — Елизаветинское городище; 11 — Кобяковское городище (сум.; I—III вв.); 12 — Кобяковское городище (I—II вв.); 13 — Кобяковское городище (II—III вв.); 14 — Старокорсунское городище 2; 15 — Нижнегниловское городище (I—III вв.); *могильники Крыма*: 16 — Тавры; 17 — Херсон 1; 18 — Херсон 2; *черняховская культура*: 19 — Журавка; 20 — Черняхов; 21 — Черкассы; 22 — Средний Днепр; 23 — Деревяна; 24 — Гавриловка; 25 — Будешты; 26 — Малаешты; 27 — Ромашки; 28 — Западная Украина; 29 — Центральная Украина; 30 — Левобережье; 31 — Буджакская степь; 32 — Южно-Буто-Тилигульское междуречье; *серии среднесарматского времени*: 33 — Терновский; 34 — Первомайский; 35 — Бережновка I; 36 — Кузин; 37 — Кривая Лука; 38 — Калиновка; 39 — Быково; 40 — Бережновка II; 41 — Старица; 42 — Канал Волга-Чограй; 43 — Жутово; 44 — Эвдык; 45 — Аккермень; 46 — Усть-Каменка; 47 — Колобовка; 48 — Перегрузное I; 49 — Аксай; 50 — Нижнедонская 1; 51 — Нижнедонская 2; 52 — Калиновка 1. **Условные обозначения:** а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии среднесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма

делать далеко идущие выводы. Следует отметить, что Т. А. Рудич также отмечала отсутствие связи у черняховцев с раннесарматским краниологическим комплексом за небольшим исключением (2014, с. 21, 44, 46).

Аналогичный анализ проведенный со среднесарматскими сериями уже демонстрирует не такое резкое разобщение, но распределение изменчивости имеет определенное сходство с предыдущим анализом. Оно, видимо, связано с тем, что на формирование среднесарматского населения большое влияние оказал субстратный раннесарматский компонент. При анализе мужских серий I КВ (вклад его в межгрупповую изменчивость 31,1 %) на полюсах изменчивости также разводит серии, у которых широкая с низким сводом черепная коробка сочетается с широкой глазницей и серии с узкой высокосводчатой мозговой коробкой в сочетании с узкой глазницей. В наибольшей степени первый тип присутствует в сериях из могильников средне-

сарматской культуры, у которых сохраняется раннесарматский морфологический комплекс (могильники: Эвдык, Быково, Бережновка, Аккермень и др.), а второй — из могильников черняховской культуры, меотов Кубани и др.

Женские группы при аналогичном анализе также сохраняют основные тенденции в распределении изменчивости с раннесарматскими группами, то есть, тип с короткой и широкой мозговой коробкой имеет максимальные положительные значения по I КВ, а тип с длинной и узкой — отрицательные. Ситуация очень похожая, то есть, почти все среднесарматские серии имеют положительные значения, а черняховские и серии оседлого населения Нижнего Дона и Крыма — отрицательные.

Второй канонический вектор при анализе мужских серий также имеет сходство в распределении изменчивости при предыдущем анализе. В данном случае доминантой этой дискриминанты является сочетание узкое, низкое лицо с

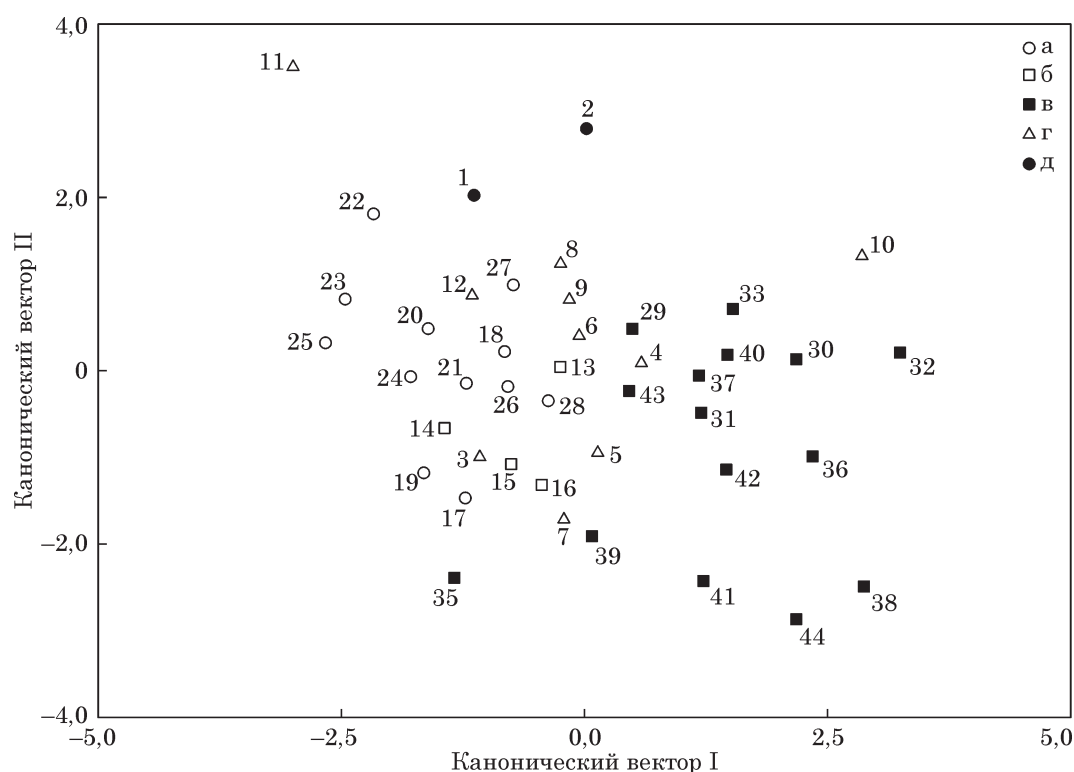

Рис. 4. Результат межгруппового анализа женских серий среднесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *могильники Крыма*: 1 — Заветное; 2 — Скалистое (ранние погребения); *некрополи нижнедонских городищ*: 3 — Танаис ранний (III в. до н. э. — рубеж эр); 4 — Танаис (I—III вв.); 5 — Танаис (II—III вв.); 6 — Кобяковское городище (суммарно); 7 — Кобяковское городище (I—II вв.); 8 — Кобяковское городище (II—III вв.); 9 — Нижнегниловское городище (суммарно; I—III вв.); 10 — Нижнегниловское городище (I—II вв.); 11 — Нижнегниловское городище (суммарно; II—III вв.); 12 — Азов; *скифские серии*: 13 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 14 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 15 — Золотая Балка; 16 — Николаевка-Казацкое; *серии черняховской культуры*: 17 — Журавка; 18 — Черняхы; 19 — Средний Днепр; 20 — Гавриловка; 21 — Северное Причерноморье; 22 — Малаешты; 23 — Будешты; 24 — Левобережная Украина; 25 — Буджак; 26 — Буго-Тигульское междуречье; 27 — Западная Украина; 28 — Центральная Украина; *серии среднесарматского времени*: 29 — Бережновка I; 30 — Бережновка II; 31 — Калиновка; 32 — Калиновка 1; 33 — Крепь; 34 — Первомайский; 35 — Старица; 36 — Нижнедонская 1; 37 — Нижнедонская; 38 — Ново-Филипповка; 39 — Аккермень; 40 — Перегрузное I; 41 — Аксай; 42 — Терновский; 43 — Малаевка; 44 — Политотдельское. **Условные обозначения:** а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии среднесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; д — серии из могильников Крыма

широкой глазницей и умеренно выступающим носом — положительный полюс изменчивости и широкое высокое лицо с узкой глазницей и резко выступающим носом — отрицательный полюс изменчивости. В данном случае также нет культурных предпочтений, поэтому в наибольшей степени как первый вариант, так и второй вариант встречается и среднесарматских и в черняховских, скифских группах.

У женской совокупности также наблюдается сходство с результатами анализа, в котором участвовали раннесарматские серии. Эта дискриминанта на своих полюсах разводит группы, у которых высокий свод сочетается с низким лицом, высоким носом и широкой глазницей от групп с альтернативным набором признаков. Как в первом случае, так и во втором на полюсах изменчивости располагаются среднесарматские серии.

Что касается графиков многомерного неметрического шкалирования и кластерного анализа, то

большая часть среднесарматских разнополюх серий обособляется от всей остальной совокупности (рис. 3, 4). Тем не менее, как и в случае анализа с раннесарматскими группами есть серии черняховской культуры из могильников Ромашка и Гавриловка, а также позднескифские из Неаполя Скифского (мавзолей), Кута, оседлых групп населения Нижнего Дона (Елизаветовское, Нижнегниловское и Кобяковское городище, Танаис) и Крыма (тавры), которые попадают в один кластер со среднесарматскими группами. Об аналогичном сходстве свидетельствуют и значения расстояний близости по Махаланобису.

Морфологическая идентичность позднесарматского населения с группами черняховской культуры, поздними скифами и синхронным населением Нижнего Дона, Кубани, как носителей типа длинноголовых европеоидов демонстрируют и результаты канонического анализа. На первую дискриминанту приходится лишь 23,5 % от общей межгрупповой изменчивости

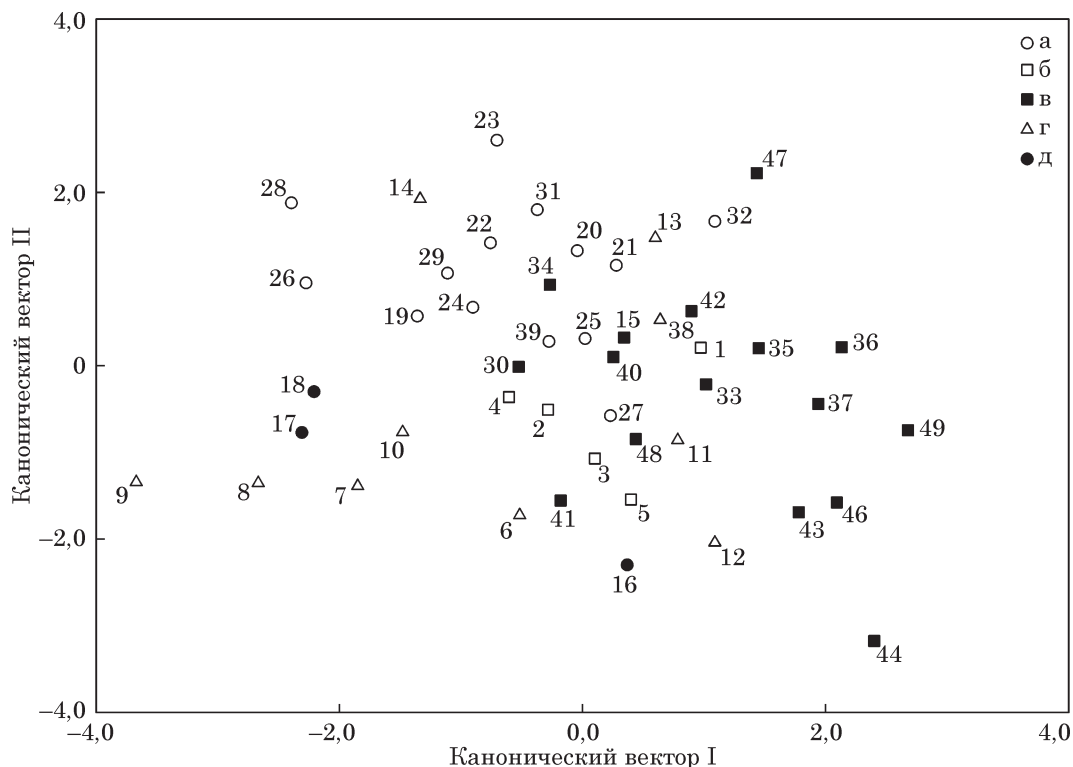

Рис. 5. Результат межгруппового анализа мужских серий позднесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *скифские серии*: 1 — Николаевка-Казачькое; 2 — Золотая Балка; 3 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 4 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 5 — Кут; *некрополи нижнедонских городищ и Кубани*: 6 — Танаис (III в. до н. э. — рубеж эр); 7 — Танаис (суммарно; I—III вв.); 8 — Танаис (I—II вв.); 9 — Танаис (II—III вв.); 10 — Елизаветинское городище; 11 — Кобяковское городище (суммарно; I—III вв.); 12 — Кобяковское городище (I—II вв.); 13 — Кобяковское городище (II—III вв.); 14 — Старокорсунское городище 2; 15 — Нижнегниловское городище (I—III вв.); *могильники Крыма*: 16 — Тавры; 17 — Херсон 1; 18 — Херсон 2; *черняховская культура*: 19 — Журавка; 20 — Черняхов; 21 — Черкассы; 22 — Средний Днепр; 23 — Деревяна; 24 — Гавриловка; 25 — Будешты; 26 — Малаешты; 27 — Ромашки; 28 — Западная Украина; 29 — Центральная Украина; 30 — Левобережье; 31 — Буджакская степь; 32 — Южно-Буго-Тилигульское междуречье; *серии недеформированных черепов позднесарматского времени*: 33 — Нижнедонская; 34 — Кузин; 35 — Джангр; 36 — Кривая Лука; 37 — Старица 38 — Бережновка; 39 — Бережновка II; 40 — Бережновка I; 41 — Калиновка; 42 — Кушцын Толга; 43 — Канал Волга-Чограй; 44 — Цаган-Уси; 45 — Абганерово II; 46 — Терновский; 47 — Аксай; 48 — Перегрузное I; 49 — Первомайский. **Условные обозначения:** а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии позднесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; д — серии из могильников Крыма

при анализе мужских групп и 24,5 % при анализе женских групп. В разнополюх группах наблюдается сходство в распределении изменчивости. Так при анализе мужских серий по I КВ существенные различия между группами по высоте свода и носовых костей, по ширине глазницы, а при анализе женских серий по высоте свода, высоте лица и носа (табл. 1, 2). Таким образом, первый вариант, который разграничивает I КВ у мужчин, характеризует группы с низким сводом в комплексе с широкой глазницей и высокими носовыми костями, от групп с высоким сводом в сочетании узкой глазницей и низкими носовыми костями. Ранжирование значений мужских групп по данному вектору показывает, что почти все позднесарматские серии имеют положительное значение и демонстрируют первый набор признаков, а большая часть самых западных серий (черняховские, позднескифские) — второй набор признаков. Что касается женских серий, то эта дискриминанта разводит на полюсах изменчивости с одной стороны группы с низким

сводом, сочетающие высокое лицо и низкий нос, а с другой — группы с высоким сводом, сочетающие низкое лицо и высокий нос. Оба варианта не имеют культурной ориентации и встречаются как на позднесарматских материалах, так и на материалах оседлого населения Нижнего Дона, Крыма, черняховской культуры и т. д.

В связи с вышесказанным следует отметить, что самые существенные различия в сравниваемой совокупности мужских серий по ширине глазницы (51 признак по Мартину), которая имеет высокие корреляции и по I и по II переменным. Именно этот признак и еще высота носовых костей играет большую роль при разграничении позднесарматских и некоторых нижнедонских групп оседлого населения от более западных серий позднескифской и черняховской культуры. Эти различия сказываются и при представлении расстояний Махаланобиса в виде четырехполюсного графика неметрического многомерного шкалирования и на дендрограмме кластерного анализа (рис. 5).

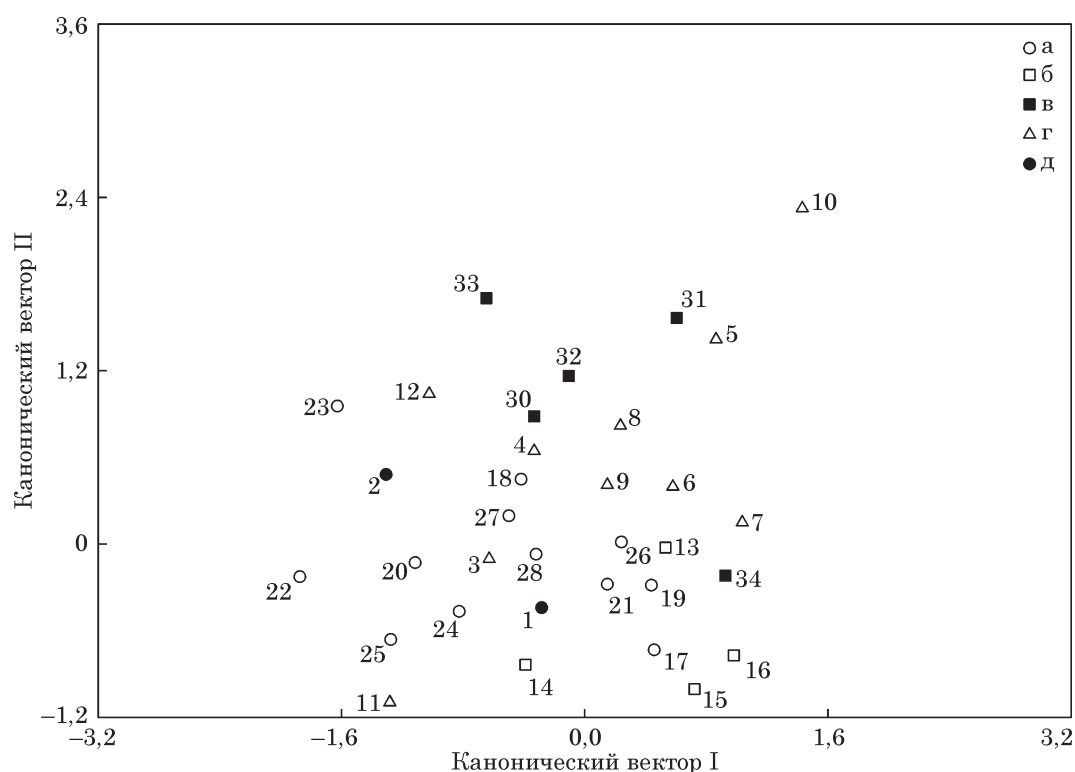

Рис. 6. Результат межгруппового анализа женских серий позднесарматского времени и серий с территории юга Восточной Европы: *могильники Крыма*: 1 — Заветное; 2 — Скалистое (ранние погребения); *некрополи нижнедонских городищ*: 3 — Танаис ранний (III в. до н. э. — рубеж эр); 4 — Танаис (I—III вв.); 5 — Танаис (II—III вв.); 6 — Кобяковское городище (суммарно) 7 — Кобяковское городище (I—II вв.); 8 — Кобяковское городище (II—III вв.); 9 — Нижнегниловское городище (суммарно; I—III вв.); 10 — Нижнегниловское городище (I—II вв.); 11 — Нижнегниловское городище (суммарно; II—III вв.); 12 — Азов; *скифские серии*: 13 — Неаполь Скифский (мавзолей и склепы); 14 — Неаполь Скифский (восточный могильник); 15 — Золотая Балка; 16 — Николаевка-Казацкое; *серии черняховской культуры*: 17 — Журавка; 18 — Черняхов; 19 — Средний Днепр; 20 — Гавриловка; 21 — Северное Причерноморье; 22 — Малаешты; 23 — Будешты; 24 — Левобережная Украина; 25 — Буджак; 26 — Буго-Тигульское междуречье; 27 — Западная Украина; 28 — Центральная Украина; *серии недеформированных черепов позднесарматского времени*: 34 — Чиковский; 35 — Купцын Толга; 36 — Кермен Толга; 37 — Кузин; 38 — Первомайский; 39 — Нижнедонская. **Условные обозначения:** а — серии черняховской культуры; б — скифские серии; в — серии позднесарматского времени; г — серии из могильников оседлых городищ Кубани и Нижнего Дона; г — серии из могильников Крыма

При сравнении женских серий несколько иная ситуация, которая связана с тем, что позднесарматского материала без следов деформации мало и серии малочисленные. К тому же большая их часть демонстрирует преобладания типа широкоголовых европеоидов (рис. 6).

Интерпретируя результаты анализа первых двух канонических векторов, на которые приходится более 43,0 % межгрупповой изменчивости, можно выделить главные различия в сравниваемой совокупности, это, во-первых, ширина глазницы. У мужчин этот признак является главным критерием разграничения позднесарматских групп, у которых широкая глазница, и черняховских групп, у которых узкая глазница. У женщин ширина орбиты выполняет второстепенную функцию при сравнении, а на первое место выступает высота носа, которая у мужчин на втором месте.

Четырехпольный график, построенный на основе многомерного неметрического шкалирования расстояний Махаланобиса, как и их значения, показывает некоторое морфологическое сходство позднесарматского населения как с

позднескифским, так и с группами черняховской культуры (рис. 5, 6).

При кластеризации расстояний Махаланобиса на дендрограмме отмечено, что большая часть позднесарматских мужских серий образует свой кластер. Серии из Бережновки и Кузина объединились с группами черняховской культуры. Суммарная серия из могильников Нижнего Подонья попала в кластер с сериями поздних скифов.

Женские позднесарматские группы не имеют такой четкой дифференциации. Две из них: серии из Кузина хутора и Кермен Толги оказались в одном кластере с сериями нижнедонских грунтовых могильников (погребения II—III вв. Кобяковское городище и погребения IV—V вв. Танаис) и двумя сериями черняховской культуры из могильников западной Украины и Черняхова. Нижнедонская суммарная позднесарматская серия объединилась с сериями из погребений I—II вв. могильника Кобяковского городища и скифской серией из Николаевки-Казацкого. Две серии из Купцын Толги и Первомайского оказались вместе с ранне-средневековой группой с Крыма (Скалистое). Так

как все позднесарматские женские группы немногочисленные — 2—8 черепов, вышеприведенные связи можно только иметь в виду, не делая результирующие выводы.

Что касается мужских групп, то все связи с другими культурами, видимо, не случайны. Анализ расстояний близости, по Махаланобису, позволяет определить наибольшее количество связей между группами, $D^2 < 0,400$. Между собой позднесарматские выборки испытывают наибольшее сходство по 5—16 группам, что определяет их родство. Позднесарматские группы испытывают морфологическое сходство с населением черняховской культуры, наибольшая частота связей по четырем группам (7 групп). Почти с такой же частотой позднесарматские группы связаны с позднескифским (6 групп), нижнедонским оседлым населением (6 групп) и северокавказским и закавказским населением (всего 4 группы).

Таким образом, на основе результатов канонического анализа определяется круг Восточно-европейских культур, которые обладают морфологическим сходством с позднесарматским населением.

Подведя итоги выше сказанному можно выделить ряд проблем, которые возникают при проведении аналогичных исследований.

1. Более менее достоверное вычленение раннесарматского антропологического компонента в сериях западных культур местного очень сложно, так как обычно данная операция основывается на археологических комплексах с признаками культуры и изучением антропологических материалов, полученных оттуда. А как показывает опыт таких погребений немного, а антропологического материала еще меньше из-за плохой сохранности кости и отсутствия костей в ограбленных погребениях. Сравнение серий даже из отдельно взятых могильников не может удовлетворительно ответить на данный вопрос.

2. Что касается групп среднесарматского облика, то морфологический тип единственной опубликованной серии с территории Украины скорее свидетельствует о том, что это население формировалось под влиянием кочевых групп Заволжья раннесарматского облика (Балабанова 2000, с. 105, 110). Видимо эта группа не участвовала в процессах ассимиляции и сохранила свой первоначальный облик в связи с тем, что отличалась от соседних народов культурными традициями, которые характеризовали их как кочевников. Компонент же среднесарматского населения Нижнего Поволжья, сочетающего мезоморфные черты, еще сложнее выделить на синхронных материалах западных культур именно из-за его смешанного характера.

3. Позднесарматский компонент также сложно выделить, так как практически все группы синхронного населения, позднесарматское Нижнего Поволжья и Нижнего Дона, оседлое меотское население Кубани и нижнедонских городищ, позднескифские и черняховские попу-

ляции, обладают морфологическим сходством, определяющее их как носителей длинноголового европеоидного типа. Позднесарматский набор, включающий широкую орбиту и высокие носовые кости, может встречаться на отдельных черепахах черняховской и скифской культур как индивидуальное качество, а компонент его можно определить если наблюдается корреляция краниологического набора с позднесарматскими чертами погребального обряда. В данном случае также возникает та же проблема, что и при выделении раннесарматского компонента.

На мой взгляд более перспективным в этом отношении выглядит сравнение деформированных серий позднесарматских, позднескифских и черняховских черепов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аммиан, Марцеллин. 1996. *Римская история*. Пер. и коммент. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сони. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Аппиан. 1994. *Римские войны*. Пер. и коммент. С. П. Кондратьева. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Балабанова, М. А. 2000. *Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век*. Москва: Наука.
- Валерий Флакк. 1949. Аргонавтики в восьми книгах. В: Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории*, 2 (28), с. 340-351.
- Великанова, М. С. 1975. *Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья*. Москва: Наука.
- Власов, В. П. 1999. *Этнокультурні процеси в Криму у III ст. до н. е. — IV ст. н. е. (за матеріалами ліпної кераміки)*. Автореферат дисертації к. і. н. ІА НАН України.
- Высотская, Т. И. 2001. О некоторых этнических особенностях погребенных в могильнике «Совхоз № 10» (на основе лепных погребальных урн). *Труды ГИМ*, 118: Поздние скифы Крыма, с. 167-174.
- Дерябин, В. Е. 1983. *Многомерная биометрия для антропологов*. Москва: МГУ.
- Дерябин, В. Е. 1998. О методиках многомерного таксономического анализа в антропологии. *Вестник антропологии. Научный альманах*, 4, с. 30-68.
- Диодор, Сицилийский. 2000. *Греческая мифология*. Историческая библиотека. Москва: Лабиринт.
- Дионисий, Периегет. 1948. Описание населенной земли. В: Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории*, 1 (23), с. 236-241.
- Зубарь, В. М. 1982. *Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э.* Киев: Наукова думка.
- Евсевий, Кесарийский. 1998. *Жизнь блаженного василевса Константина*. Пер. под ред. А. А. Калинина. Византийская серия. Москва: Labarum.
- Иосиф, Флавий. 1991. *Иудейская война*. Пер. Я. Л. Чертка. Санкт-Петербург: Орел.
- Клавдий, Птолемей. 1953. *Руководство по географии*. Сост. М. С. Боднарский. *Античная география*. Москва: Географическая литература, с. 281-323.
- Лукач, Марк Анней. 1993. *Фарсалия, или Поэма о гражданской войне*. Пер. с лат. Л. Е. Остроумова. Москва: Ладомир, Наука.
- Магомедов, Б. В. 1999. Сарматы у складі черняхівської культури. В: Терпиловский, Р. В. (ред.). *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е.* Київ; Львів, с. 132-142.

Магомедов, Б. В. 2000. Этнические компоненты черняховской культуры. *Stratum plus*, 4, с. 322-330.

Магомедов, Б. В. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Lublin.

Маркиан, из Гераклеи Понтийской. 1948. Объезд внешнего моря. В: Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории*, 3 (25), с. 278-280.

Марциал. 2000. *Эпиграмммы*. Пер. с лат. Ф. Петровского. Харьков: Фолио; Москва: АСТ.

Онищук, Я. И. 2018. Взаимосвязи населения вельбарской, сарматской и черняховской культур на территории Западного Подолья во второй четверти I тыс. н. э. *Журнал Белорусского государственного университета. История*, 3, с. 120-129.

Павел, Орозий. 2001. *История против язычников в 7 книгах*. Кн. VI, VII. Пер. с лат. В. М. Тюленева, VII. Санкт-Петербург: Алетейя, с. 95-224.

Плиний, Старший. 1953. Естественная история. Пер. Н. М. Подземской. *Античная география*. Москва: Географическая литература, с. 238-261.

Помпоний, Мела. 1953. Местоположение земли. Пер. С. К. Апта. *Античная география*. Москва: Географическая литература, с. 176-237.

Пуздровский, А. Е. 1994. О сарматах в Крыму. *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, IV, с. 397-405.

Пуздровский, А. Е. 1999а. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. *Вестник древней истории*, 3, с. 97-119.

Пуздровский, А. Е. 1999б. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э. — III в. н. э.). *Херсонесский сборник*, X, с. 208-225.

Рудич, Т. О. 2004. Сарматы та черняхівська культура (за матеріалами антропології). *Старожитності степового Причорномор'я і Криму*, XI: Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології північного Причорномор'я», с. 213-216.

Рудич, Т. А. 2005. Сарматський компонент у складі населення черняхівської культури (за матеріалами антропології). *Археологія*, 4, с. 64-73.

Рудич, Т. А. 2006. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии). В: Терпиловский, Р. В. (ред.): *Готы и Рим*. Библиотека Vita antiqua. Київ, 73-86.

Рудич, Т. О. 2014. *Населення Середнього Подніпров'я I—II тисячоліття за матеріалами антропології*. Київ: ІА НАН України.

Сенека Луций Анней. 1949. Вестник. В: Латышев, В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. *Вестник древней истории*, 1 (37), с. 266.

Страбон. 1994. *География: в 17 кн.* Пер., вступ. ст. и коммент. Г. А. Страгановского. Москва: Ладомир.

Сымонович, Э. А. 1983. *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского)*. Киев: Наукова думка.

Тацит, Корнелий. 2003. *Анналы. Малые произведения. История*. Москва: АСТ, Ладомир, с. 5-423.

Федоров, Г. Б. 1958. О двух обрядах погребения Черняховской культуры (По памятникам Молдавии). *Советская археология*, 3, с. 234-243.

Храпунов, И. Н. 2019. Сарматы в Крыму по данным археологии. *Крым в сарматскую эпоху*, V, с. 314-320.

Шульц, П. Н. 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. *Материалы и исследования по археологии СССР*, 177: Проблемы скифской археологии, с. 123-143.

Юлий, Капитолин. 1992. Жизнеописание Марка Антонина Философа. *Властины Рима. Биографии Римских императоров от Адриана до Диоклетиана*. Пер. С. Н. Кондратьева. Москва: Наука, с. 33-48.

REFERENCES

Ammian. Martsellin. 1996. *Rimskaya istoriya*. Per. i komment. Yu. A. Kulakovskogo i A. I. Soni. Sankt-Peterburg: Aleteyya.

Appian. 1994. *Rimskie voyny*. Per. i komment. S. P. Kondratyeva. Sankt-Peterburg: Aleteyya.

Balabanova, M. A. 2000. *Antropologiya drevnego naseleniya Yuzhnogo Priuralia i Nizhnego Povolzhia. Ranniye zheleznyy vek*. Moskva: Nauka.

Valeriy Flakk. 1949. Argonavtiki v vosmi knigakh. In: Latyshev, V. V. *Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevney istorii*, 2 (28), s. 340-351.

Velikanova, M. S. 1975. *Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurechia*. Moskva: Nauka.

Vlasov, V. P. 1999. *Etnokulturni protsessy v Krymu u III st. do n. e. — IV st. n. e. (za materialamy lipnoi keramiki)*. Avtoreferat dysertatsii k. i. n. IA NAN Ukrainy.

Vysotskaya, T. I. 2001. O nekotorykh etnicheskikh osobennostyakh pogrebennykh v mogilnike «Sovkhoz N 10» (na osnove lepynykh pogrebalnykh urn). *Trudy GIM*, 118: Pozdnye skify Kryma, s. 167-174.

Deryabin, V. E. 1983. *Mnogomernaya biometriya dlya antropologov*. Moskva: MGU.

Deryabin, V. E. 1998. O metodikakh mnogomernogo taksonomicheskogo analiza v antropologii. *Vestnik antropologii. Nauchnyy almanakh*, 4, s. 30-68.

Diodor, Sitsiliyskiy. 2000. *Grecheskaya mifologiya*. Istoriicheskaya biblioteka. Moskva: Labirint.

Dionisiiy, Periyaget. 1948. Opisaniye naselennoy zemli. In: Latyshev, V. V. *Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevney istorii*, 1 (23), s. 236-241.

Zubar, V. M. 1982. *Nekropol Khersonesa Tavricheskogo I—IV vv. n. e.* Kiev: Naukova Dumka.

Evseyiy, Kesariyskiy. 1998. Zhizn blazhennogo vasilevsia Konstantina. Per. pod red. A. A. Kalinina. Vizantiyskaya seriya. Moskva: Labarum.

Isosif, Flaviy. 1991. *Iudeyskaya voyna*. Per. Ya. L. Chertka. Sankt-Peterburg: Orel.

Klavdiy, Ptolemei. 1953. Rukovodstvo po geografii. Sost. M. S. Bodnarskiy. *Antichnaya geografiya*. Moskva: Geograficheskaya literatura, s. 281-323.

Lukan, Mark Anney. 1993. *Farsaliya, ili Poema o grazhdanskoy voyne*. Per. s lat. L. E. Ostroumova. Moskva: Ladimir, Nauka.

Magomedov, B. V. 1999. Sarmaty u skladi cherniakhivskoi kultury. In: Terpilovskiy, R. V. (ed.). *Etnokulturni protsesy v Pivdenno-Skhidnii Yevropi v I tysiacholitti n. e.* Kyiv; Lviv, s. 132-142.

Magomedov, B. V. 2000. Etnicheskiye komponenty chernyakhovskoy kultury. *Stratum plus*, 4, s. 322-330.

Magomedov, B. V. 2001. *Chernyakhovskaya kultura. Problema etnosa*. Lublin.

Markian, iz Geraklei Pontiysskoy. 1948. Obyezd vneshnego morya. In: Latyshev, V. V. *Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevney istorii*, 3 (25), s. 278-280.

Martsiyal. 2000. Epigrammy. Per. s lat. F. Petrovskogo. Kharkov: Folio; Moskva: AST.

Onishchuk, Ya. I. 2018. Vzaïmosvyazi naseleniya velbarskoy, sarmatskoy i chernyakhovskoy kultur na territorii Zapadnogo Podolia vo vtoroy chetverti I tys. n. e. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 3, s. 120-129.

Pavel, Oroziy. 2001. *Istoriya protiv yazychnikov v 7 knigakh*. Kн. VI, VII. Per. s lat. V. M. Tyuleneva, VII. Sankt-Peterburg: Aleteyya, s. 95-224.

Pliniy, Starshiy. 1953. Estestvennaya istoriya. Per. N. M. Podzemskoy. *Antichnaya geografiya*. Moskva: Geograficheskaya literatura, s. 238-261.

Pomponiy, Mela. 1953. Mestopolozheniye zemli. Per. S. K. Apта. *Antichnaya geografiya*. Moskva: Geograficheskaya literatura, s. 176-237.

Puzdrovskiy, A. E. 1994. O sarmatakh v Krymu. *Materialy po arkheologii. istorii i etnografii Tavrii*, IV, s. 397-405.

Puzdrovskiy, A. E. 1999a. Ocherk etnosotzialnoy istorii Krymskoy Skifii vo II v. do n. e. — III v. n. e. *Vestnik drevney istorii*, 3, s. 97-119.

Puzdrovskiy, A. E. 1999b. Etnicheskaya istoriya Krymskoy Skifii (II v. do n. e. — III v. n. e.). *Khersonesskiy sbornik*. X, s. 208-225.

Rudych, T. O. 2004. Sarmaty ta cherniakhivska kultura (za materialamy antropologii). *Starozhytnosti stepovoho Prychornomor'ia i Krymu*, XI: Materialy konferentsii «Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii pivnichnoho Prychornomor'ia», s. 213-216.

Rudych, T. A. 2005. Sarmatskyi komponent u skladi naselelyia cherniakhivskoi kultury (za materialam antropologii). *Arkheolohiia*, 4, s. 64-73.

Rudych, T. A. 2006. Sarmaty v sostave chernyakhovskoy kultury (po materialam antropologii). In: Terpilovskiy, R. V. (ed.): *Goty i Rim*. Biblioteka Vita antiqua. Kyiv, s. 73-86.

Rudych, T. O. 2014. *Naselennia Serednoho Podniprov'ia I—II tysyacholittia za materialamy antropologii*. Kyiv: IA NAN Ukrainy.

Seneka Lutsiy Anney. Vestnik. In: Latyshev, V. V. *Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze. Vestnik drevnej istorii*, 1 (37), s. 266.

Strabon. 1994. *Geografiya: v 17 kn.* Per. vstup. st. i komment. G. A. Stratanovskogo. Moskva: Ladomir.

Symonovich, E. A. 1983. *Naseleniye stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (Po materialam Vostochnogo mogilnika Neapolya Skifskogo)*. Kiev: Naukova dumka.

Tatsit, Korneliy. 2003. *Annaly. Annaly. Malyye proizvedeniya. Istoriya*. Moskva: AST, Ladomir, s. 5-423.

Fedorov, G. B. 1958. O dvukh obryadakh pogrebeniya Chernyakhovskoy kultury (Po pamyatnikam Moldavii). *Sovetskaya arkheologiya*, 3, s. 234-243.

Khrapunov, I. N. 2019. Sarmaty v Krymu po dannym arkheologii. *Krym v sarmatskuyu epokhu*, V, s. 314-320.

Shults, P. N. 1971. Pozdneskifskaya kultura i eye varianty na Dnepre i v Krymu. *Problemy skifskoy arkheologii. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, 177. s. 123-143.

Yuliy, Kapitolin. 1992. *Zhizneopisaniye Marka Antonina Filosofa. Vlasteliny Rima. Biografi Rimskikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana*. Per. S. N. Kondratyeva. Moskva: Nauka, s. 33-48.

M. A. Balabanova

DISCUSSING THE WESTERN CONNECTIONS OF THE SARMATIAN POPULATION ACCORDING TO ANTHROPOLOGY DATA

The paper discusses the issue of possible connections of the Sarmatian population of the Southern Urals, Lower Volga and Lower Don with synchronous groups of Northern Pontic region according to physical anthropology. The review of the literary, archaeological and craniological publications dedicated to this issue was conducted in order to fulfill this task. The academic discourse is represented by the findings of historical, archaeological and anthropological data. The works of Diodores from Sicily, Pliny the Elder, Claudius Ptolemaios, Strabo, Appianus, Ammianus Marcellinus, A. E. Puzdrovsky, B. V. Magomedov, E. A. Symonovich, I. N. Khrapunov, Ya. I. Onishchuk, T. N. Vysotskaya, V. E. Deryabin, M. S. Velikanova, T. A. Rudich and the materials of the Center for the study of the history and culture of the Sarmatians of Volgograd State University are the basic sources. Verification of the most popular models of ethnogenetic relationships was carried out using the phased intergroup comparisons of craniometric data. Mass material on the Sarmatian cultures and cultures of the Northern Pontic region was processed by the canonical method followed by consideration of the proximity distances of Mahalanobis. As a result, the hypothesis about the insignificant influence of the Early Sarmatian, Middle Sarmatian, and Late Sarmatian component on the change in the intragroup structure of the North Pontic populations was confirmed. The Late Sarmatian population has the greatest morphological similarity with western populations, since all of them are carriers of the type of long-headed Caucasians but such an important feature as the width of the orbit separates western populations from eastern ones.

Despite of this the results of the study suggest the introduction of the component of all three chronological Sarmatian groups into the settled population of the Lower Don and Late Scythian groups. The findings of the study presented in this paper provide the opportunity to support or refute them with the results of paleogenetic analysis which has already been started for Sarmatian cultures, but its results have not yet been fully summed up.

Keywords: Chernyakhov culture, Late Sarmatian culture, type of long-headed Caucasians, type of wide-headed Caucasians, morphological type, statistical methods.

M. A. Балабанова

ДО ДИСКУСІЇ ПРО ЗАХІДНІ ЗВ'ЯЗКИ САРМАТСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ ЗА ДАНИМИ АНТРОПОЛОГІЇ

У статті обговорюється питання можливих зв'язків сарматського населення Південного Уралу, Нижнього Поволжя та Нижнього Дону з синхронними групами Північного Причорномор'я з точки зору фізичної антропології. Для цього було проведено огляд літературних, археологічних та краніологічних публікацій, присвячених цій проблемі. Академічний дискурс представлений історичними, археологічними та антропологічними даними. Основними джерелами є праці Діодора Сицилійського, Плінія Старшого, Клавдія Птолемея, Страбона, Аппіана, Амміана Марцеліна, роботи О. С. Пуздоровського, Б. В. Магомедова, Е. О. Симоновича, І. М. Храпунова, Я. І. Оніщука, Т. М. Висоцької, В. С. Дерябіна, М. С. Великанової, Т. О. Рудич та матеріали Центру вивчення історії і культури сарматів Волгоградського державного університету. Перевірка найпоширеніших моделей етногенетичних відносин проводилась за допомогою поетапного міжгрупового порівняння краніометричних даних. Масовий матеріал сарматських культур та культури Північного Причорномор'я оброблявся канонічним методом з подальшим врахуванням відстані Махаланобіса. В результаті підтвердилася гіпотеза про незначний вплив ранньосарматського, середньосарматського та пізньосарматського компонента на зміну внутрішньогрупової структури північнопонтійських популяцій. Пізньосарматська популяція має найбільшу морфологічну схожість із західними, оскільки всі вони є носіями типу довгоголових кавказців, але така важлива особливість, як ширина орбіти, відокремлює західні популяції від східних. Незважаючи на це, результати дослідження дозволяють ввести компонент усіх трьох хронологічних сарматських груп в осіле населення Нижнього Дону та пізньоскіфське. Результати дослідження, представлені в цій роботі, дають можливість підтвердити або спростувати їх результатами палеогенетичного аналізу, який вже розпочато для сарматських культур, але його результати ще не повністю підведені.

Ключові слова: черняхівська культура, пізньосарматська культура, тип довгоголових кавказців, тип широкоголових кавказців, морфологічний тип, статистичні методи.

Одержано 10.06.2020

БАЛАБАНОВА Марія Опанасовна, доктор історичних наук, професор, Волгоградський державний університет, просп. Університетський, 100, Волгоград, 400062, Російська Федерація.

BALABANOVA Mariya A., Doctor of Sciences (History), Professor, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, Volgograd, 400062, Russian Federation.

orcid: 0000-0002-1565-474X, e-mail: mary.balabanova@volsu.ru.